

УДК 811.161.1

**СТРУКТУРНАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРЕМИЙ В ПОВЕСТИ М.СЕМЁНОВОЙ
«ВАЛЬКИРИЯ»****Л.Н.Мишина****STRUCTURAL AND SEMANTIC TRANSFORMATION OF PROVERBS IN M.SEMENOVA'S NOVEL
“VALKYRIE”****L.N.Mishina***Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И.Носова, euleowl@gmail.com*

В статье рассматривается функционирование пословиц и поговорок в речи героев произведения М.Семёновой «Валькирия». Определяются функции употребления общеупотребительных и трансформированных языковых единиц, а также способы и цели их трансформации.

Ключевые слова: *паремиология, трансформация, лингвистика*

The paper is devoted to the proverbs functioning in the language of characters in M.Semenova's novel “Valkyrie”. The author describes using of the proverbs in general usage and of transformed units, the ways and the purpose of their transformation.

Keywords: *paremiology, transformation, linguistics*

М.Семёнова — автор популярных произведений в жанре так называемого «русского фэнтези». В своих рассказах и повестях она описывает быт, обычаи и нравы средневековых славян и их ближайших соседей. Одним из таких произведений является повесть «Валькирия» — рассказ о славянской девушке по имени Зима (от лица которой и ведётся повествование), сумевшей занять место в дружине одного из воевод князя Рюрика. Воссоздавая колорит изображаемой эпохи, автор старается передать и языковой облик того времени. В своих произведениях М.Семёнова достаточно часто использует устаревшие слова и их формы, характеризует происхождение того или иного слова (в данной статье мы не будем оценивать истинность её этимологических изысканий), а также довольно широко использует пословицы, поговорки и фразеологические единицы разной степени

устойчивости. В данной статье мы не ставили цели определить, насколько достоверным является воссоздание языка IX века в повести (наверное, массовому читателю книга, написанная настоящим древнерусским языком, не может быть интересна в принципе); наша задача — рассмотреть использованные автором пословицы и поговорки и их трансформации с точки зрения их роли в отражении облика эпохи начала русской государственности.

Всего в тексте повести «Валькирия» методом сплошной выборки нами было выделено 67 пословиц и поговорок в 71 употреблении. Некоторые из них встречаются в тексте произведения в той форме, в которой они существуют в современном русском языке: «Я сидела **ни жива ни мертва**, хотелось за-
жмуриться и отдышаться на чистом морозе...» [1]; «Квэнно — стало быть, всё. **Делу венец**» [2]; «Вот

уж кто знай играл себе, со мной не вышло — с Голубой, и всё радость, и всё **как с гуся вода**» [3]. Функция таких пословиц и поговорок в тексте повести, на наш взгляд, — функция «культурологического маркера». Паремология является своеобразным хранилищем лингвокультурной информации, и употребление пословиц и поговорок в речи позволяет почти безошибочно отнести говорящего к той или иной нации и культуре. Наличие в речи героини русских пословиц и поговорок, известных и понятных читателю, наряду с описанием календарных обрядов (например, поминовения предков, поклонения огню и воде) и мифов (в частности, мифа о противостоянии Перуна и Велеса) погружает его в мир восточных славян, способствует восприятию текста как истинно славянского. Более интересными с точки зрения исследования являются трансформированные или вновь созданные пословицы и поговорки, отмеченные нами в тексте исследуемого произведения.

Наиболее распространённым способом создания пословицы или поговорки в тексте повести «Валькирия» является трансформация, и прежде всего — семантико-стилистические преобразования, не затрагивающие структуру [4] паремии.

Одним из способов способом создания пословицы/поговорки в тексте повести является лексическая замена одного из компонентов уже существующего в языке устойчивого выражения таким словом, которое обозначает более древнее, с точки зрения носителей современного русского языка, понятие. Это может быть замена обобщённого понятия «бог» именем конкретного славянского божества в поговорках *Дай Бог* ‘пожелание добра и успеха’, *Упаси (сохрани) Бог (Боже, Господь)* ‘выражение предупреждения, предостережения, нежелательности, недопустимости осуществления чего-л.’, *Не дай (не приведи) Бог (Господь, Господи)* ‘о чём-л. нежелательном (выражение предупреждения, предостережения)’ [5].

Хотя слово *бог* в современном русском языке не имеет чёткой «привязки» к наименованию только христианского верховного существа («По религиозному представлению: верховное существо, сотворившее мир и управляющее им, или (при многобожии) одно из таких существ» [6]), в сознании носителей русского языка оно ассоциируется прежде всего именно с ним. Так, в «Большом словаре русских поговорок», изданном в 2008 году, компонент *Бог/Господь* зафиксирован с прописной буквы (в словарях и справочниках, увидевших свет до 1991 года, это слово, естественно, напечатано со строчной). Следовательно, заменяя лексику *Бог* наименованием славянского божества, М.Семёнова относит читателя к более древней для славян религии. Значение поговорки при этом остаётся неизменным по сравнению с той, компонентом которой является слово *Бог* в значении ‘христианское божество’.

Конкретное наименование славянского божества в качестве компонента трансформированной по-

говорки выбирается в соответствии с ситуацией, описанной в произведении, и зависит от того, какой героиней её употребляет. Так, в тех случаях, когда паремия звучит в устах воина, в её составе на месте слова *бог* появляется имя Перуна — бога княжеской дружины: *«Перун храни тебя, дитятко!»* [7]. В устах героев, не имеющих отношения к войне, вместо лексики *бог* используются наименования сверхъестественных существ, воплощавших целостность замкнутых небольших коллективов — Щура, Рода и Рожаниц.

Несмотря на то, что героиней произведения является девушка, в структуре трансформированных пословиц чаще встречаются мужские божества. Так, прося о помощи, она восклицает: *«Ой, Щур, спаси меня, Щур...»* [8]; мать героини, предостерегая её, также поминает Рода, а не Рожаниц: *«Мать вскочит и заахает, порываясь снимать с меня неподъёмный кузов и на ходу выговаривая: дитятко неразумное, ведь надорвёшься когда-нибудь, Род тебя сохрани!»* [9]. Только в одном случае упоминаются Рожаницы — в ироническом контексте, когда главная героиня, фактически играющая в семье после смерти отца и деда роль мужчины, осуждает свою младшую сестру за чрезмерное, по её мнению, внимание к своей внешности: *«Румяные щёки и нос её были густо одобрены топлёным гусиным жирком — не приведи Рожаницы, прихватит морозом, вдруг шелушиться начнут»* [10]. Можно было бы предположить, что выбор имени женского божества в данной ситуации продиктован сферой, за которое это божество «ответственно»: забота о своей внешности — прежде всего женская prerogative. Однако в тексте произведения есть и прямо противоположный пример. Героиня смотрит на подруг, которые ведут себя в сущности так же, как и её сестра (девушки прихорашиваются перед посиделками), но которые не вызывают у неё раздражения, и она думает: *«Дал бы им повелитель Род хороших мужей...»* [11], — хотя удачное замужество вероятнее должно находиться в «ведении» богини-женщины. Скорее всего, подобное употребление в речи героини имён женских и мужских божеств связано с тем, что для славянской мифологии было существенным «различие мужских и женских мифологических персонажей по функциям, значимости и количеству» [12], женские божества представлялись менее значимыми, а главная героиня, выражаясь современным языком, отстаивала равенство социальных ролей мужчины и женщины.

Вторым способом трансформации пословиц и поговорок в тексте исследуемого произведения является замена одного из их компонентов словом, находящимся за пределами общеупотребительной лексики. В первую очередь это замена нейтрального слова устаревшим. Так, в поговорке *как мимо пустого места* компонент *пустой* был заменён устаревшим прилагательным *порожний* («Устар. никем не занятый» [13]): *«...воевода все эти дни вовсе не обращал внимания на Некраса <...> проходил как мимо порожнего места»* [14].

Достаточно часто компонент паремии заменяется не архаизмом, а просторечным или разговорным словом. Так, вместо поговорки *хочешь — не хочешь* в повести используется вариант *любо — не любо* («Взялась, так всё сказывай, **любо, не любо**» [15]), вместо поговорки *страшно сказать — ужас вымолвить* («Куда там себя — **ужас вымолвить, род, продления не унавиший...**» [16]). Частота использования разговорных, а не устаревших слов может быть объяснена тем, что для среднестатистического носителя современного русского языка разница между устаревшим и разговорным словом практически неуловима. Разговорная лексика ассоциируется прежде всего с народной языковой стихией и, значит, также помогает решить стоящую перед автором задачу — воссоздать колорит народной речи.

В ряде случаев замена в тексте повести «Валькирия» общеупотребительного элемента пословицы или поговорки является частью более сложного преобразования. Так, в словаре «Пословицы и поговорки русского народа» В.И.Даля отмечена паремия *Весёлого нрава не купишь*. В повести М.Семёновой встречается такой вариант: «*А может, не зря говорят люди — **доброй души на торгу не прикупишь***» [18]. Наряду с добавлением устаревшего слова *торг* («Устар. и обл. Базар, рынок» [19]) изменён компонент *нрав*. Оба этих слова многозначны и в одном из своих значений являются синонимами: *душа* — «совокупность характерных свойств, черт, присущих личности; характер человека» [20], *нрав* — «совокупность душевных, психических свойств; характер» [21]. Возможно, слово *душа* было выбрано потому, что обозначает ещё и самого человека и потому более полно, чем слово *нрав*, не имеющее такого значения, передаёт семантику пословицы (невозможность изменить человека).

Вторым типом трансформации паремий в тексте повести М.Семёновой «Валькирия» является их превращение в свободное сочетание слов. Так, пословица *Назвался груздем — полезай в кузов* в повести встречается в следующем облике: «*Как сказывал дедушка: **забралась в кузов, не говори, что не груздь***» [22]. Паремия потеряла свою ритмическую организацию, лишившись тем самым одного из признаков структурной организации пословицы, а ссылка на дедушку, которую приводит героиня, относит выражение к индивидуальному, а не общенародному языковому творчеству (ср. выше: «*Не зря говорят **люди***»). Таким образом автор словно бы отсылает нас к тем временам, когда выражение ещё не приобрело устойчивости, не получило признаков паремии — то есть к временам древним, когда пословицы в русском языке ещё не сформировались окончательно.

Эту же цель преследует и преобразование поговорки *мурашки бегают по чему-либо*. В современном русском языке у слова *мурашки* сохраняется значение 'муравьи', однако оно употребляется гораздо реже, чем значение 'пупырышки, появляющиеся на коже от холода, озноба' [23]. М.Семёнова же буквализует семантику поговорки, употребляя в её составе только лексему *муравьи*: «*Я так и этак вертела под-*

слушанный разговор, и за ворот сыпались муравьи»; «...я глянула на воеводу, и за ворот сразу **посыпались муравьи**»; «*За ворот **хлынули муравьи**, я давно уже так не пугалась*» [24]. Мы словно слышим речь человека, жившего в период, когда у слова *муравей* ещё не появилось переносного значения, то есть, опять же, обращаемся к древнему состоянию языка.

В целом необходимо отметить, что преобразования пословиц и поговорок, отмеченные нами в тексте повести М.Семёновой «Валькирия», помогают автору в решении стоящей перед ним задачи. Не изменяя смысла паремий, данные трансформации получают признаки более древних, чем их исходные варианты, языковых образований, и таким образом создают колорит древности, необходимый при описании событий IX века.

1. Семёнова М.В. Валькирия. Роман. Повести. М., 1995. С. 89.
2. Там же. С. 138.
3. Там же. С. 254.
4. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Введение // Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М., 1997. С. 3-44.
5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2008. С. 46, 47.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1999. Т. 1. С. 100.
7. Семёнова М.В. Там же. С. 291.
8. Там же. С. 161.
9. Там же. С. 39.
10. Там же. С. 41.
11. Там же. С. 32.
12. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 450-456.
13. Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1999. Т. 3. С. 304.
14. Семёнова М.В. Там же. С. 161.
15. Там же. С. 72.
16. Там же. С. 300.
17. Там же. С. 20.
18. Там же. С. 18.
19. Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1999. Т. 4. С. 384.
20. Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1999. Т. 1. С. 456.
21. Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1999. Т. 2. С. 512-513.
22. Семёнова М.В. Там же. С. 139.
23. Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1999. Т. 2. С. 312.
24. Семёнова М.В. Там же. С. 75, 167, 288.

References

1. Semenova M.V. Val'kiria. Roman. Povesti [Valkyrie. Novels]. Moscow, AZBUKA Publ., 1995, p. 89.
2. Ibid, p. 138.
3. Ibid, p. 254.
4. Meleroich A.M., Mokienko V.M. Vvedenie [Introduction] // Frazelogizmy v russkoi rechi. Slovar' [Idioms in the Russian language. Dictionary]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, pp. 3-44.
5. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok [The great Dictionary of Russian proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2008, p. 46, 47.
6. Slovar' russkogo iazyka: V 4-kh t [The Russian Language Dictionary. In 4 vols]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1999. Vol. 1. P. 100.
7. Semenova M.V. Ibid, p. 291.
8. Ibid, p. 161.
9. Ibid, p. 39.
10. Ibid, p. 41.
11. Ibid, p. 32.
12. Ivanov V.V., Toporov V.N. Slavijskaia mifologija [The Slavonic Mythology]. Mify narodov mira: Entsiklopedija [Myths of the Nations: Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaia entsiklopedija Publ., 1980. Vol. 2, pp. 450-456.

13. Slovar' russkogo iazyka: V 4-kh t [The Russian Language Dictionary. In 4 vols]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1999. Vol. 3, p. 304.
14. Semenova M.V. Ibid, p. 161.
15. Ibid, p. 72.
16. Ibid, p. 300.
17. Ibid, p. 20.
18. Ibid, p. 18.
19. Slovar' russkogo iazyka: V 4-kh t [The Russian Language Dictionary. In 4 vol.]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1999. Vol. 4, p. 384.
20. Slovar' russkogo iazyka: V 4-kh t [The Russian Language Dictionary. In 4 vol.]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1999. Vol. 1, p. 456.
21. Slovar' russkogo iazyka: V 4-kh t [The Russian Language Dictionary. In 4 vol.]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1999. Vol. 2, pp. 512-513.
22. Semenova M.V. Ibid, p. 139.
23. Slovar' russkogo iazyka: V 4-kh t [The Russian Language Dictionary. In 4 vol.]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 1999. Vol. 2, p. 312.
24. Semenova M.V. Ibid, pp. 75, 167, 288.